

известия - 2001 - 27
апр. - с. 8.

Константин ЛОПУШАНСКИЙ:

Не ищите истину в отчаянии

В Петербурге состоялся общественный просмотр снятого на студии «Панорама» нового фильма Константина Лопушанского — «Конец века». Этот режиссер запомнился фильмом, который в свое время произвел довольно сильное впечатление на зрителей и кинематографическую общественность конца 80-х годов, — «Записки мертвого человека» с Роланом Быковым в главной роли. «Конец века» — это новая попытка переосмыслить, переосмыслить последнее десятилетие. Разговор о том, насколько честно и глубоко решил автор свою задачу, — впереди. Сейчас речь о том, каким этот апокалиптический по настроению фильм задумывался.

— Вы снимали «Конец века» больше пяти лет. До того пять лет шла работа над «Русской симфонией», получившей приз на Берлинском кинофестивале и практически не демонстрировавшейся в России. Не опасаетесь, что и «Конец века» постигнет та же участь?

— Конечно, «Конец века» — кино абсолютно некоммерческое, и «Русская симфония» тоже. Возможно, его постигнет та же судьба. И это очень мучительно. Но я не верю, что такие фильмы не интересны людям, живущим в нашей стране. Но подчиняться власти коммерции я не хочу.

— Вы делали фильм об идеалах, ради которых стоит умереть, или об идеях, во имя которых стоит жить?

— Я делал фильм об их соотношении. О праве каждого выбирать себе жизнь и решать, оставаться ли с прошлым. Мне дорог стоицизм моей пожилой героини — шестидесятницы, которая не хочет «сжигать» свое прошлое.

— Когда вы начинали писать сценарий, вы хотели привести старшую героиню к Богу, тем самым избавив ее от самоубийства. Потом вы отказались от это-

го. У меня же, как у зрителя, на протяжении всего фильма брезжило ощущение, что вы приведете в храм молодую героиню — это модно.

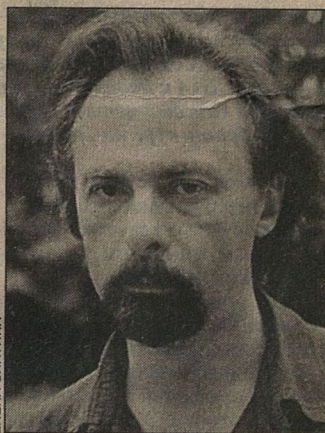
— И для той, и для другой — это не выход. Это действительно модно, но лживо. Тогда нужно было бы менять характеры. Каждая из моих героинь все-таки самостоятельно сделала выбор.

— Вы считаете «сжигание прошлого» дорогой в будущее?

— Смотря для кого. Все наши проблемы — от нашего опыта, этот опыт надо трансформировать, превращая в позитивный. Такова и церковная традиция: когда мы идем на исповедь, мы трансформируем благодаря священнику свой негативный опыт. Но это не сжигание — после него не остается пепла и пустоты.

— «Конец века» — мистическое скопление фактов и образов?

— Это некая черта, когда происходит перемена мировоззрения, строя и идеалов — во всяком случае, для России. Эпоха меняется — так совпало. Предмет размышлений в конце века — в кавычках и без — конфликт поколений, предпрещенность



ЕЛЕНА СОЛНЦЕВА

трагичности этого конфликта. Трещина судьбы прошла по сердцам людей и не заросла. Я сознательно выбрал именно 1993 год — как раскол. В 1991-м все было проще.

— Невольно напрашивается, возможно, некорректная параллель. В «Интердевочке» сюжетная канва почти такая же: главная героиня делает успешную карьеру и уезжает, рядом с ней надежный друг-иностранец, ее мать остается в России и кончает жизнь самоубийством, и у самой главной героини на благополучном Западе тупик. В «Конец века» главная героиня — представительница второй древнейшей профессии, в отличие от «интердевочки»...

— Да, я видел эти возможные параллели. Но контекст фильма, фабула настолько различны, что это меня не пугало. Для меня было важно задуматься о судьбах, выброшенных из жизни. Я сознательно ушел от «ле-

жащего на поверхности» конфликта коммунистки и новой русской.

— Вы сняли фильм об униженных и оскорбленных. А ваша молодая героиня утверждает: «Достоевских в России больше нет».

— Она говорит об этом в отчаянии. В отчаянии нельзя искать истину. Вы знаете, когда я писал сценарий фильма, я не мог отделаться от образа, известного еще с библейских времен: огромное каменное колесо движется в сторону представляемого нами прогресса. Оно движется по живым людям. И вот эта жестокость движения в сторону якобы прогресса по живым людям не дает мне покоя. Не виноваты те, кто не смог стать гибким, но остался искренним под этим колесом. Жестокость, порожденная правильными идеями, — все равно жестокость. Общество еще не созрело до того, чтобы эволюционировать. Оно живет революционными толчками. Вот потому я делал кино об униженных и оскорбленных.

— После премьеры к вам подходили пожилые люди и благодарили со слезами на глазах. Как вы думаете, молодежь будет вам благодарна за эту ленту?

— Для меня была очень важна реакция пожилых. Правильно ли я нащупал «болеву точку». Верно ли выбрал тональность... Молодежь, надеюсь, задумается о параллельном мире, где потерялись матери и отцы.

— Вы ходите на исповедь?

— Да.

Юлия КАНТОР,
Санкт-Петербург